

**Читайте любовно-детективные романы
Людмилы Мартовой в серии «Желание женщины»:**

Ключ от незапертой двери
Страсть на грани
Февральская сирень
Высоко над страхом
«Смерть» на языке цветов
Почти семейный детектив
Твоя примерная коварная жена
Вишня во льду
Встреча по-английски
Чужая путеводная звезда
Мадам будет в красном
Когда исчезнет эхо
Бизнес-план счастья
Туман над темной водой
Проклятие брачного договора
Последний штрих к портрету
Тайну прошепчет лавина
Запретные воспоминания
Поместье с привидениями
Игра в убийство
От звезды и до воды
Стереть из памяти
Каждому по заслугам

ПЯТЬ ПОДРУГ

Приворот для Золушки
Судьба зимней вишни
Визитка злой волшебницы
Вакансия третьего мужа
Мой любимый сфинкс
Дьявол кроется в мелочах

ДЕТЕКТИВНЫЕ МИРЫ НИКИТЫ ЧАРУШИНА

В Коктебеле никто не торопится
Первый шаг к мечте

ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ БРАТЬЕВ МАКАРОВЫХ

Лунная дорога в никуда
Алая гроздь турмалина

КРУЖЕВА СУДЬБЫ СНЕЖАНЫ МАШКОВСКОЙ

Кружевное убийство
Танец кружевных балерин

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Рассвет наступит незаметно
След на весеннем снегу

Людмила Мартова

ПОЧТИ СЕМЕЙНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М29

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Мартова, Людмила.

М29 Почти семейный детектив / Людмила Мартова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-199924-7

Ганна боялась признаться себе, что до сих пор любит Илью Галицкого, успешного бизнесмена, с которым у нее много лет назад случился роман. Тогда она сама разрушила их отношения: не желала больше делить его с женой. Она решила, что будет воспитывать их сына одна. Даже через десять лет Ганна жалела об этом! Она была уверена, что судьба их больше не сведет вместе, пока случайно не оказалась в одной квартире с Галицким, его женой и трупом на окровавленном полу. Каждый из них знал убитого. Теперь им придется связаться в опасное расследование и по ходу его разобраться в себе.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199924-7

© Мартова Л., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*В один прекрасный
день (а других и не
бывает на свете)...*

*Марк Шагал.
Моя жизнь*

*Марине Черновой,
щедро одаривающей
меня поводами
для вдохновения*

Этой ночью во сне она снова скакала верхом, будто убегая от неведомой опасности. Ганне часто снилось, что она всадница. Скачет по жизни, то и дело пришпоривая коня. Быстрее. Еще быстрее. Ветер развеивает темные волосы, бросает на лицо. Она нетерпеливо убирает их за спину, вновь подставляя его ветру.

Ветер — друг. Он уносит тревоги, спасает от зноя, его жадно втягивают раздувающиеся ноздри коня. В ветре запахи дальних стран, в которых удастся побывать, если поведет. В ветре весточки от близких, с которыми все хорошо. С которыми все будет хорошо. В ветре надежда на то, что все будет.

Ветер — враг. Он гудит за стеной, бьется в окно, приносит страх. Страх, что она чего-то не успеет. Не доскачет. Не добьется. Страх, что конь потеряет подковы, в кровь разобьет ноги, не дотянет до финиша. Страх, что финиш может быть гораздо раньше, чем ей бы хотелось.

Всадница. Она скачет верхом, сжимает босые пятки, раскачивается в такт гонке. Быстрее. Еще быстрее. Темные волосы падают на лицо. Она нетерпеливо отбрасывает их за спину, вновь подставляя его поцелуям в ночи.

Ночь – друг. Ночью можно дать отдых усталым ногам, устроить недолгий привал, на время остановить бесконечную скачку. Пересесть на другого коня. Горячего. Верного. Понимающего с полувзгляда, с полужеста. Коня, которому не нужны шпоры. Коня, вместе с которым так просто, так сладко добраться до финиша. Быстрее. Еще быстрее.

Ночь – враг. Подкарауливающий в темной подворотне. Наносящий удар исподтишка. Выскивающий слабые стороны. Терпеливо выжидающий момент, когда она отпустит поводья, «откроется», станет беззащитной. На время. На час. Где-то между тремя и четырьмя ночи, когда царствуют силы зла, когда душу терзают демоны. Демоны страха, что на этот раз она была не на высоте.

И вновь наступает утро. И всадница ведет в поводу коня. Подставляет ветру лицо. Нетерпеливо отбрасывает за спину темные волосы. Мгновение, и она уже в седле. Ей некогда бояться финиша. Ей некогда думать о несовершенстве. Ей надо успеть сделать слишком много до того, как она доскачет до черты. Быстрее. Еще быстрее.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Утро добрым не бывает

Будильник прозвенел, и Ганна, не открывая глаз, зашлепала рукой по тумбочке, пытаясь нащупать трезвонящий телефон. Вовке, спящему в соседней комнате, будильник не помеха, его, хоть из пушек пали, не разбудишь, весь в отца. А вот Генька уже завозился в кровати, засучил длинными, тощими, словно у аиста, ногами, еще секунда, и взметнется встрепанная светлокудрая голова, явит миру недовольные, опухшие ото сна глаза, посмотрит укоризненно, и Ганна вмиг почувствует себя виноватой. Впрочем, в присутствии Геньки она чувствовала себя виноватой практически всегда.

Телефон наконец-то прыгнул в руку и послушно замолк под ее пальцами. Ганна счастливо расслабилась и тут же села в кровати. Как она забыла, нельзя выключать будильник с закрытыми глазами. Когда она в прошлый раз сделала так, то хитроумный айфон, то и дело норовящий зажить своей жизнью, самовольно набрал номер мамы. До сердечного приступа, конечно, не дошло, но объясняться, зачем она звонила в шесть утра, пришлось долго. Не рассказывать же маме про самостоятельность айфона.

Ганна опасливо покосилась на мерцающий экран. Слава богу, она никому не позвонила, спросонья только вошла в «Фейсбук». Но это ничего, это не страшно. Избегая соблазна уставиться в открывшуюся новостную ленту, Ганна решительно откинула одеяло и спустила ноги на пол. Если сейчас начать читать «фейсбучные» новости, то выберешься из кровати через полчаса, не меньше. А валяться некогда, пора на работу.

Тут Ганна тяжело вздохнула. Она всегда вздыхала, когда думала про работу. Ее было так много, что переделать всю до конца было абсолютно невозможно. Ганна пробовала, честное слово. Несмотря на то что она была человеком высокоорганизованным, ежедневно писала план на день и вычеркивала выполненные пункты, дела валились ей на голову, накапливались, вырастали в гору Джомолунгму, на которую она взбиралась, сцепив зубы, как опытный альпинист, покоряющий очередной пятитысячник, в погоне за званием «Снежного барса».

Ее трудовая книжка лежала в фирме, являющейся крупным интернет-провайдером, оказывающей услуги связи и цифрового телевидения. Ганна работала там пиар-менеджером: разрабатывала рекламные кампании, дружила с журналистами, писала статьи, придумывала всевозможные «завлекалки» для клиентов, составляла бесконечные отчеты в головную контору, которая, как и положено головным конторам, находилась в далекой и неприступной Москве.

Ганне нравилось считать, что Москва – далекая и неприступная. Вообще-то до столицы было всего четыре часа езды, но в их фирме считалось, что до нее было, как до Марса. По крайней мере, московские начальники разгова-

ривали с ней на инопланетном языке, и достичь консенсуса им было невозможно.

В ее родном городе все работали с восьми до пяти, и Ганна работала так же, потому что в восемь телефон начинал трезвонить как сумасшедший, клиенты требовали оказания услуг, контрагенты желали провести переговоры, и, хотя к Ганниной работе это напрямую не относилось, она все равно приезжала на работу в восемь. В полдевятого местный начальник, которого она уважала и ценила, проводил планерки, и приходиться на них нужно было подготовленной, чтобы не попасть впросак.

Утром каждого дня Ганна быстро, но тщательно мониторил социальные сети в поисках гадостей про родную контору. В случае обнаружения их разбирали на планерках и вырабатывали «достойный ответ Чемберлену». С учетом, что Вовка ходил в школу тоже к восьми и с утра ему требовался горячий бутерброд, сладкий чай и выглаженная рубашка, Ганну такой график устраивал.

Гораздо меньше ей нравилось, что в пять вечера ее рабочий день вовсе не кончался. Москва, будь она неладна, работала с десяти до семи, поэтому московскому начальству было необходимо, чтобы сотрудники со всей необъятной родины в это время были в прямом доступе и оперативно реагировали на внезапно поставленные задачи. Их целесообразность вызывала сомнения, но не обсуждалась.

В начале трудовой карьеры Ганна возмущалась и спорила, потом попритихла, а затем привыкла, рассудив, что нужно плыть не против течения, не по течению, а туда, куда тебе надо. Она ловко распределяла свои должностные обязанности с восьми утра до семи вечера, а в свободное

время вела группу в «ВКонтакте» для местного драматического театра (работа номер два), писала пиар-концепции и рекламные статьи для завода пластиковых окон (работа номер три) и организовывала командные мероприятия и праздники (работа номер четыре).

По основному месту трудоустройства это была ее общественная нагрузка – готовить команду для КВНа и областного конкурса «Леди успех», проводить корпоративы на Новый год и бег в мешках перед Восьмым марта. Делала она это творчески, с огоньком, хорошо делала, поэтому к ней то и дело обращались с подобными просьбами из других учреждений, компаний и фирм их города. И если родное предприятие не тратило на ее талант ни копейки, то все остальные платили довольно щедро.

Пахать на четырех работах Ганне не нравилось, но в нынешние времена получать четыре зарплаты было надежнее, чем одну или даже две. Именно поэтому Ганна надрывалась, по образному выражению президента, как раб на галерах. В последнее время себя было гораздо жалче, чем президента, но думать про это было нельзя. Жалость съедала время, а главное – силы. А их нужно было беречь, чтобы работать.

Кроме того, у Ганны имелось хобби, которое, как она надеялась, рано или поздно должно было перерасти в работу номер пять, а со временем заменить работы номер один, три и четыре. Бросать драмтеатр она не собиралась, там ей было интересно. Ганна писала детективы, и их даже издавало очень крупное и очень известное московское издательство с хорошей репутацией и громким именем.

С издательством дела обстояли не совсем чисто, и Ганну это смущало. Она была уверена, что издадут ее не за хороший слог и богатую фантазию, а просто так, по знакомству, но именно этому знакомству она в первую очередь и собиралась доказать, что может стать действительно популярным и читаемым автором.

Писала она каждый день, выделяя полтора часа в то время, когда у нормальных людей был обеденный перерыв. Иногда она оставалась за рабочим столом и после семи, потому что, еще раз повторим, была человеком высокоорганизованным и запланированную на день норму выдавала на-гора обязательно.

Все было хорошо, особенно в дни зарплаты. И на Генькиной шее она не висела, и салон красоты по выходным посещала, потому что могла себе это позволить, и обновки себе покупала с завидной для подруг регулярностью, и даже Вовку вполне могла обеспечить сама, без помощи его отца, пусть даже эта помощь и переводилась ей на карточку регулярно и в весьма достойном объеме.

Вот только от жизни, в которой не было ничего, кроме работы и обязанностей, она очень сильно устала. Так сильно, что не радовали ни обновки, ни Вовкина самостоятельность, ни вечно ею недовольный Генька. Перед ним она была виновата, потому что домашним хозяйством занимался в основном он. Убирал в квартире, покупал продукты, готовил еду, стирал белье. Во-первых, у него это получалось гораздо лучше, чем у Ганны. А во-вторых, Генька все равно уже больше года нигде не работал. Вообще-то он был журналистом, но считал ниже своего достоинства горбатиться за копейки.

Иногда в голову к Ганне забредала крамольная мысль, что зарплата, которую он раньше получал в своей редакции, вполне перекрывала сумму, получаемую ею в драмтеатре, а это значит, что хотя бы одной работой в ее жизни могло бы быть меньше. Но сказать это вслух, не обидев Геньку, она не могла. Да и опять же в театре ей нравилось и уходить оттуда она не хотела. А раз так, то какой разговор...

Ганна прошлепала на кухню, щелкнула кнопочкой чайника и снова вздохнула. Чайник был новым, недавно купленным взамен перегоревшего. Стекланный, прозрачный, переливающийся красивыми синими всполохами во время закипания. Чайник выбрал Вовка, и Ганне было ужасно жалко денег, потому что стоил он в три раза дороже, чем обычный пластмассовый собрат, а воду кипятил и накипь собирал точно так же. Но сын очень хотел этот чайник, точь-в-точь такой, как у друга, и Ганна скрепя сердце его купила, чтобы доставить ребенку радость. Для чего еще она работает, если не для этого?

Она достала пакет с молотым кофе, насыпала во френч-пресс две ложки с горкой, вдохнула волшебный аромат и вдруг вспомнила. Боже мой, с завтрашнего дня она же в отпуске! Как же она, спросонья, про это забыла? Сегодня она вычеркнет в ежедневнике все свои дела, допишет главу очередного романа, раздаст наказы коллегам и сослуживцам, а завтра с утра соберет чемодан и вместе с Вовкой поедет в Москву, на время забыв про работу и Геньку. Там у нее встреча в издательстве, затем она сдаст сына на руки отцу, захотевшему провести с сыном майские праздники, и вечером сядет в фирменный поезд «Двина», который отвезет ее из Москвы в Витебск.

Вообще-то Ганна мечтала провести отпуск в Риме, но курс евро рос быстрее, чем ее доходы. Поэтому, не желая расстраиваться из-за того, что нельзя изменить, Ганна и решила уехать на родину родителей, в Витебск, где она была в последний раз еще совсем ребенком. Квартира была забронирована, билеты на поезд куплены, Генькино недовольство проглочено. Впрочем, недовольство он проявлял больше для форсу, искренне радуясь возможности остаться наедине с пивом и чемпионатом мира по хоккею.

Да. Завтра отпуск. Целую неделю она не будет придумывать слоганы и составлять графики, пляться в бесконечные социальные сети, расстраиваться из-за гадостей, которые там пишут, и ломать голову над нескладывающимся сюжетом. Она будет есть белорусские драники со сметаной, пить лидское пиво и уличный квас из бочек, гулять по позабытым улицам, отдыхать в кафе, когда устанут ноги, просыпаться без будильника и улыбаться без причины. А еще она обязательно съездит в Здравнево. И в Лепель тоже съездит. И от этой мысли она в первый раз за все утро улыбнулась.

* * *

Илья Галицкий проснулся недовольным. Впрочем, сегодняшнее утро ничем не отличалось от других, себе подобных. По утрам он всегда был недоволен, в первую очередь собой. Как-то он попытался припомнить, было ли в детстве или юности подобное, оставляющее тухлый привкус во рту чувство. Вроде нет. Ранние пробуждения в те далекие годы были яркими, веселыми, дарующими азартный интерес ко всему, что обязательно должно приключиться за длинный-длинный день.

Когда он перестал испытывать этот азарт? Он не мог вспомнить точно. То ли когда бизнес начал занимать так много времени, что его перестало хватать на простые человеческие радости, то ли после первого развода, то ли после второго... А может, нет никаких причин для недовольства и все дело в возрасте?

Сорок восемь лет. Не мальчик уже, вон, виски седые. И печень, как это принято говорить, пошаливает. И давление периодически скачет, и накачанных мышечных кубиков на животе давно уже нет и в помине. Пузо он, конечно, не отрастил, ест в меру и вообще следит за собой, но не атлет, чего уж там. Хорошо хоть лысины не намечается.

Галицкий взъерошил свои густые, хорошо подстриженные волосы, действительно начинавшие отливать сединой, и усмехнулся. Вот зачем он притворяется перед собой, что не знает правды о съедающем его изнутри недовольстве? Все он прекрасно знает и понимает. Он недоволен собой уже десять лет, с того самого момента, как отпустил из своей жизни единственную женщину, которая заставляла его чувствовать себя живым.

Не банкоматом, выдающим деньги по первому требованию, не роботом, многократно повторяющим нехитрые бизнес-операции, не печатным станком, шлепающим книги, не автоматом, выплевывающим стаканчики с мороженым, а живым человеком, ироничным, талантливym и ранимым.

Он прикрыл глаза от внезапной резкой боли в груди. Как она поняла, что он действительно раним? Под толстой шкурой прущего напролом носорога углядела чувствительность и кинулась защищать, оберегать, холить, лелеять, про-

сто любить? Ни до, ни после не было у него такой женщины, а он, дубина, не оценил этого, не сохранил, не уберег ту хрупкую связь, что возникла между ними неожиданно для обоих.

Она всегда была честной и прямой, его девочка. Она не захотела играть в ту извечную игру, которую затевают женатые мужчины, чтобы сохранить и удовольствие, и душевный комфорт. Она просто незаметно отошла в сторону, а когда он хватился, оказалась уже слишком далеко, не догнать. Сколько лет прошло? Десять? Да, уже десять. И все эти годы он просыпается утром, злясь на себя и весь мир только из-за того, что ее нет рядом.

Боль отпустила, Илья открыл глаза и скосил их в сторону жены. Она лежала на спине и тихонько похрапывала, в последнее время она почему-то начала храпеть. Галицкий тут же испытал острое раздражение, впрочем, тоже ставшее уже привычным. Она раздражала его постоянно и очень давно. Если бы он десять лет назад не развелся, то восемь лет назад на этой женщине бы ни за что не женился. Все могло бы быть совсем иначе. Да что об этом говорить. Пустое.

Он откинул одеяло, сбросил свое тело (очень даже приличное тело, по крайней мере, женщины не жалуются) с кровати и начал новый день, который не предвещал ничего особенного. Крупный книгоиздатель, владелец сети книжных магазинов, десятка отличных ресторанов, салона элитного трубочного табака и маленькой частной картинной галереи Илья Галицкий не мог иметь причин для недовольства собой. Он был предусмотрителен, расчетлив и удачлив в делах. Харизматичен и обаятелен в жизни. Его враги, по-

знакомившись с ним поближе, тут же становились друзьями, а кто не становился, тот исчезал с дороги, сметенный носорожьим напором.

В глубине души он, конечно, не считал себя похожим на носорога. Когда Илья смотрел в зеркале, то видел снежного барса, отличающегося тонким, длинным, гибким телом, небольшой головой и подвижностью движений. Даже цвет волос у него теперь похож на окрас ирбиса – светлый, дымчато-серый мех с темными, еще не поседевшими пятнами. Когда-то давно Галицкий назвал свое издательство в честь этого грациозного, редкого представителя семейства кошачьих и ни разу об этом не пожалел. Ирбис. Снежный барс. Элегантный и беспощадный. Вызывающий трепет и преклонение. Да. Так хорошо. Так правильно.

Перед тем как побриться, он подмигнул своему изображению в зеркале, и оно подмигнуло ему в ответ. Все было хорошо, просто прекрасно. И до следующего утра оставалась масса времени, чтобы не думать о совершенной им когда-то ошибке.

Если бы не его привычка по утрам растревлять старую рану, то он бы уже давно заметил другую допущенную им ошибку, грозящую серьезными проблемами. Проснувшись, он чувствовал ее приближение всей своей шкурой, но списывал на утреннюю хандру. Что-то было не так, но усилием воли Галицкий прогнал эту мысль и решительно начал наносить на лицо пену для бритья.

Так, через пару дней супруга уезжает в Испанию. Лет пять назад Галицкий купил там дом, и его дражайшая половина уезжала туда на май – июнь, затем возвращалась в Москву переждать июльский зной, а в середине августа сно-

ва уматывалась на море, чтобы нежиться там под средиземноморским солнышком до середины октября. Признаться, Галицкий не имел ничего против. К жене он наведывался за весь летний сезон пару раз, да и то совмещал эти визиты вежливости с накопившимися в Испании делами. Жена относилась к его прохладце с пониманием. В конце концов, любой мужик есть существо с придурью. Деньги дает, сколько попросишь, в душу не лезет, а что любовниц молоденьких заводит без счета и трахает до одури, так пусть ему будет на здоровье. Как гласит народная мудрость, не мыло, не смылится. Так и жили, особо не утруждая друг друга.

Завтра приезжает Ганна. Это просто прекрасно, что завтра он будет обсуждать планы продвижения новой книги с одним из самых перспективных своих авторов. Смешно, но она никак не может поверить, что действительно хорошо пишет. Галицкий был удачливым книгоиздателем, потому что у него было чутье на авторов и врожденный вкус к хорошим книгам. Он знал, что через год-два, максимум три, имя Ганны Друбич будет известно по всей стране. Его невероятно умиляло, что она этого не понимает. Конечно, хороший текст и захватывающий сюжет – это еще не все. Но уж в чем в чем, а в продвижении начинающих авторов Галицкий был асом. Так что быть Ганне знаменитой, хочет она этого или нет. Заканчивая бриться, он уже улыбался.

Так, что там дальше? Впереди майские праздники, и он обещал сыновьям провести время с ними. Это обстоятельство радовало не только парней, но и его самого. Несмотря на всю свою брутальность, Галицкий любил возиться с детьми. Сыновей у него было трое. Старший уже студент,

живет в Петербурге, куда после развода уехала первая жена Галицкого. Два других – подростки, и с ними он едет в Питер, чтобы познакомить мальчишек друг с другом. С этим тоже все понятно.

Все остальные дела – текущие, с ними он расправится в два счета, и можно отдыхать. Ах да. Он же обещал Гарику съездить сегодня на сборище доморощенных писателей, посмотреть на какого-то непризнанного гения. Гениев этих, затертых, неотмытых, с сальными волосами и затравленным взором фанатично горящих глаз Галицкий не выносил на дух. Он был убежден, что в это сборище графоманов не может затесаться ничего стоящего внимания, но Гарик – Павел Горенко, его верный зам и первый помощник, отвечающий за работу с авторами, – считал иначе и очень рекомендовал Галицкому присмотреться к где-то выкопанному им гению.

Илья вообще-то терпеть не мог выходить из офиса и специально открыл один из ресторанов на первом этаже того дома, в котором располагалось издательство «Ирбис». На второй этаж, к апартаментам Галицкого, вела лестница, по которой он спускался к назначенному времени. Все деловые встречи он проводил в ресторане, считая, что кабинет годится лишь для работы с документами, а переговорные – слишком безлики и скучны, особенно для людей творческих. К ним Илья относил и тех, кто зарабатывает большие деньги, поскольку искренне считал, что преуспеть в бизнесе, не имея креативного мышления, невозможно.

В общем, сам Галицкий на встречи никогда не ездил, предпочитая заниматься делами на своей территории, и выезд в какое-то спасо-кукуево, богом забытую районную библиотеку, где собирались непризнанные таланты, был